

К. А. Панченко*

Иерусалимский Патриарх Парфений (1737–1766 гг.) и Россия: непонятый союзник

В свое время Н. Ф. Каптерев резюмировал характер русско-греческих отношений в XVIII в. одной фразой: «Такие прочные и разнообразные связи Иерусалимских Патриархов с русским правительством и со всею русскою жизнью как-то вдруг... прерываются... и опять сводятся только на обычные и заурядные просьбы со стороны Патриархов о милостыне Святому Гробу, причем все другие стороны отношений, так широко и разнообразно развившиеся в XVII веке, окончательно исчезают, как будто их никогда и не было»¹. Причины этого перерождения русско-восточных контактов объяснил тот же Каптерев, и последующие поколения историков мало что добавили к его словам. Петербургская Россия сменила вектор своих культурно-политических интересов, и контакты с православным Востоком утратили для нее прежнее значение. Кроме того, с учреждением в Стамбуле постоянного дипломатического представительства России отпала нужда в греческих информаторах, дорогостоящих и ненадежных².

В целом эти утверждения сомнений не вызывают. Если обратиться к анализу деятельности российских дипломатов в Стамбуле на протяжении XVIII в., то бросается в глаза их сосредоточенность на решении чисто практических вопросов двусторонних русско-турецких отношений. Резиденты и посланники пишут о взаимных пограничных претензиях, проблемах торговли и судоходства, размежевании границ и обмене военнопленными, крымских и польских делах, международном положении Турции. Географический ареал русских интересов был достаточно ограничен, представляя собой дугу от южного Каспия и Грузии через Кабарду, Кубань и Крым до Дуная. В этой картине интересов христианский Восток отсутствовал. Всем проблемам ближневосточного православия за XVIII в. было уделено, как мне представляется,

* © Панченко К. А., 2010

Константин Александрович Панченко, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

меньше внимания, чем спорам о правах на добычу соли в Кинбурнских озерах под Очаковым.

Удивительным исключением на этом фоне предстает хранящееся в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) письмо Иерусалимского Патриарха Парфения (1737–1766 гг.), составленное в августе 1745 г. Из него явствует, что Парфений долгое время поддерживал негласные отношения с российским резидентом в Константинополе А. Вешняковым (1700–1745 гг.; резидент при Порте в 1734–1736 и 1739–1745 гг.). После внезапной смерти последнего 29 июля 1745 г. Патриарх единственный раз решился выйти на прямой контакт с российским правительством. Он передал с поручиком А. Никифоровым, возвращавшимся в Киев из Константинопольской миссии, свое послание «высокоповеренным господам министрам» о политическом состоянии Османской империи³. При чтении этого донесения возникает ощущение, что Парфений представляет собой реинкарнацию Досифея Нотары — настолько его письмо похоже по своей тематике и тональности на грамоты этого величайшего из Иерусалимских Патриархов османской эпохи. Мы видим тот же образ Османской империи как «больного человека», смакование военной слабости османов, недееспособности султана, оскудения казны, развала военно-морских сил и постоянного ожидания мятежа в столице.

Парфений пишет, что война османов с Ираном зашла в тупик, войско не получает жалованья и не имеет охоты воевать. Солдаты грабят своих же анатолийских обывателей, которые не могут найти у Порты справедливости. Почти половина из 70-тысячного войска, собранного против персов «с великим старанием и почти с прозбою» из азиатских и европейских провинций, разбежалась по дороге. Победные донесения с театра военных действий вызывают сомнения. На флоте годны к плаванию только 6 кораблей и 7 галер. Недавно 5 кораблей показали народу, «будто они людны и оружны», но в патрулирование Черного и Эгейского морей отправили только по одному. Экипажи галер бунтуют из-за неуплаты жалованья. 12 ветхих кораблей стоят в гавани и «к походам весьма быть не надежны». Строительство нового линкора остановлено за нехваткой средств, он гниет без присмотра. В марте адмиралтейство выгорело до основания, пропали все воинские припасы. Фасад и «преизрядные ворота» адмиралтейства отстроили, но за ними все пусто⁴.

Патриарх уверяет, что при первом же известии о поражении османского войска от персов в столице начнется бунт. Потенциальных смутьянов давят и топят человек по 20 в день. «Во всем Константинополе, — сообщает Парфений, — имеющиеся шинки для чаямого Портою бунта все запечатаны и под смертную казнию пьяных напитков продавать запрещено»⁵. Парфений предупреждает о том, что направляемый в Россию с дипломатическим поручением османский чиновник «великий прошлец» и немного говорит по-русски, а «посылается больше для шпионства, ибо Порте завсегда через французов и папских езувитов внушается, будто Россия противу турок воинские приготовления начинает чинить»⁶.

Наиболее интересны геополитические рассуждения Патриарха. «Егда Россия, к освобождению христиан, находящихся в турецком басурманском

государстве, и для приведения в безопасность своих... границ, против турок вознамерится войну начать, в таком случае нехудо б с крымской стороны при своих границах оборонительную рукою стоять, а в самом деле большую силою к Дунаю идти, куда путь войску довольнее и здоровее. И помощи там иметь надежнее, ибо около того Дуная большая часть жителей християне»⁷. Закрепившись на Дунае, Россия отрешет от Османской империи буджакских и крымских татар, которым после этого, как полагает Парфений, ничего не останется, как отдаться в русское подданство. «Ежели-де такая Божеская милость будет, что Россия по Дунай реку овладеет», мечтает Патриарх, то следующим этапом должно стать строительство Россией черноморского флота, который будет легко укомплектовать матросами из прибрежных христианских народов. Тогда Россия сможет завести «великую и весьма прибыльную себе коммерцию» и, главное, обезопасить южные рубежи⁸.

В отличие от Досифея Нотары, Парфений не пытался давать указания по кадровой политике в Русской Церкви, однако в отношении дипломатического корпуса подобные рекомендации он высказывал. Так, он просил донести «высокоповеренным господам министрам» его мнение, «дабы на место умершего резидента Вешнякова в Константинополь прислали русского, умного, в делах бывалого и надежного человека, такого как напрежде сего был господин Неплюев⁹, и чтоб при оном впредь переводчики были русские ж, а не из иноземцов»¹⁰. «И буде иностранныя, будучи в службе, хотя верными и охотными себя оказывают,— предостерегал Парфений,— а в существе дела в пользу российских интересов ревности иметь никогда не будут, но искусным образом более о своих собственных интересах усердствовать имеют», а также, с большой долей вероятности, могут быть перекуплены османами или кем-либо еще¹¹.

Полагаю, что Парфений отнюдь не был заурядным просителем милости. Стоит задаться вопросом: почему мы ничего не знаем о нем? Почему усилия Парфения в отличие от таких же действий Досифея Нотары столь мало ценили в Петербурге? Если взаимоотношения Досифея с северными единоверцами составили целую эпоху в истории и России, и греческого мира, то деятельность Парфения в качестве российского политического агента была не замечена современниками и забыта позднейшими историками. Притом что Каптерев немало писал о пребывании в России в 1742–1747 гг. посольства от Патриарха с просьбой о милостыне на покрытие огромных долгов Иерусалимского престола¹², исследователь «проглядел» другую сторону отношений Парфения с Россией.

Что за человек был этот последний продолжатель дела Досифея Нотары?¹³ Родился он в конце 1680-х гг. в Афинах. Имел хорошее образование. В своих трудах Парфений с легкостью оперировал персонажами древнегреческой истории, а став Патриархом, активно покровительствовал новооткрытой богословской школе в Иерусалиме. Перу Парфения принадлежат по меньшей мере 2 исторических сочинения: повествование о борьбе греков с армянами за контроль над святыми местами Палестины в 1730-х гг.¹⁴ и «Краткое ведение» об эволюции статуса святых мест и обстоятельствах появления

долга Иерусалимского престола, написанное осенью 1744 г. по запросу российской Коллегии иностранных дел¹⁵. В одной из своих реляций А. Вешняков рассуждал о деградации греческого народа под иноверным игом, отмечая тем не менее, что среди греков есть «множество ученых высоких и пространнейших знаний и высокопарнейших умов... особливо в духовенстве, что посрамляют и в состоянии постыдить духовенство свободных народов»¹⁶. Несомненно, что среди этих духовных лиц Вешняков имел в виду и Иерусалимского Патриарха, к которому относился с большим уважением.

В начале 1730-х гг. Парфений был возведен в сан митрополита Кесарии Палестинской. Эта позиция традиционно считалась предпоследней ступенькой на пути к Патриаршей кафедре¹⁷. Как один из лидеров Святогробского братства, эпитроп Святого Гроба (патриарший наместник в Палестине), Парфений в 1730–1735 гг. активно участвовал в противоборстве с армянами за обладание святыми местами Палестины. Как уже упоминалось, он составил описание этих событий с целью обогатить будущие поколения святогробцев опытом борьбы с конкурирующими исповеданиями. Из текста не вполне ясно, где в эти годы находился сам Парфений — в Константинополе в окружении Патриарха Мелетия или в Палестине, что больше соответствовало его функциям эпитропа. Как события в Палестине, так и ход судебных разбирательств в Стамбуле описаны с одинаковым знанием дела. Лишь изредка в повествовании проскальзывают фразы от первого лица («мы жили смиренно, выжидая [благоприятного] случая»)¹⁸. Возможно, Парфений в эти годы действительно находился попеременно в Святой Земле и в османской столице, подобно самому Патриарху Мелетию, который 1 раз приезжал в Иерусалим для переговоров с Армянским Патриархом¹⁹. Вполне возможно, что уже тогда Парфений мог общаться с российскими дипломатами и знать того же И. И. Неплюева, которого он упоминает в своем донесении 1745 г., а также познакомиться с А. Вешняковым, который с 1729 г. состоял помощником русского резидента в Константинополе²⁰.

В 1737 г. престарелый Иерусалимский Патриарх Мелетий отрекся от престола, указав на Парфения как на своего преемника²¹, т. е. с этого времени Парфений пребывал в Константинополе или в Дунайских княжествах. Осенью 1739 г., по окончании русско-турецкой войны, в Стамбуле возобновило работу российское дипломатическое представительство во главе с резидентом А. Вешняковым. Судя по всему, Патриарх и резидент довольно быстро вошли в общение. В АВП РИ сохранилась интереснейшая группа документов середины XVIII в. «Выписка о тайных российскому двору в Константинополе приятелях, и о назначении им денежных пенсий»²². Самое раннее сообщение в этом деле — отрывок из секретного приложения к реляции А. Вешнякова от 25 октября 1742 г. с перечнем тайных российских агентов²³. Вешняков делил их на 3 группы: лица, получавшие постоянное жалованье; те, кому платили «сдельно», в зависимости от ценности оказанных услуг; те, кто работал безвозмездно. Последнюю категорию составляли почти исключительно греки, «которые токмо по единоверию часто уведомляют о многих полезных делех к интересам российским»²⁴. В этой

группе осведомителей в самом конце списка фигурирует и Парфений: «Патриарх Иерусалимский також по доброхотству сообщает знатные известия, но ныне он в отсутствии для собрания милостины на оплату долгов Гроба Господня»²⁵.

Впрочем, категория «без всякого воздаяния доброжелательствующих» менее всего отражена в дипломатической документации. Значительная часть переписки по поводу тайных агентов была связана с отчетами о потраченных на них казенных суммах и попытками Коллегии иностранных дел изыскать возможности экономии на этой статье расходов. Как сообщалось в другом «изъяснении» от 1747 г., «а о здешних духовных греческих особах резидент Неплюев (преемник А. Вешнякова.— К. П.) не упоминает, потому что хотя знакомство с ними и продолжается, и они времянно малые вести сказывают, но им ничего знатного не дано, и дружба содержится без дальняго убытку чаем, ревенем и тому подобным»²⁶, т. е. по праздникам иерархам делали символические подарки — 3 фунта чаю, 2 отреза сукна и т. п.²⁷ Таким образом, мы видим, что среди русских тайных агентов Парфений числился чуть ли не на последнем месте. Любопытно было бы посмотреть на тех, кто занимал первые строчки «рейтинга».

Среди самых ценных агентов фигурировал османский сановник, называемый в русских документах «миралем», который получал 500 червонных в год. «Миралем» — это амир алям, «эмир знамени», арабская калька турецкого наименования санджак-бей, в данном случае — звание, соответствовавшего одноименной должности санждак-бея, правителя административной единицы среднего уровня²⁸. «Миралем» вместе со своим зятем Гасан-агой был завербован еще в 1729 г., когда приезжал в Россию во главе османского посольства. Он регулярно поставлял русским резидентам конфиденциальную информацию, циркулировавшую в османских государственных сферах. Агентом дорожили настолько, что ни в одном из донесений не было названо его имя, лишь окольными путями удалось установить, что его звали Мегдем-ага²⁹. Часто даже вместо слова «миралем» ставили условный значок — окружность с крестиком под ней, похожую на принятое в биологии символическое изображение яйцеклетки³⁰.

Кроме того, российские дипломаты довольно эффективно «просвечивали» канцелярию реис-эфенди, ближайшего помощника великого везира, который ведал внешними сношениями. Были завербованы 2 делопроизводителя («подьячих»), имевших доступ к османской дипломатической корреспонденции³¹. Немалые выплаты приходились на великого драгомана Порты, но скорее по традиции и во избежание проблем, которые он мог причинить³². Одним из самых ценных «приобретений» Вешнякова был алим (мусульманский правовед) Али-ходжа, именуемый в документах «приятель наш мулла». Этот человек был ближайшим доверенным лицом шейх-уль-ислама Пиризаде Мехмеда Сахиб-эфенди (1674–1749 гг.; шейх-уль-ислам в 1745–1746 гг.), высшего духовного авторитета империи. Шейх-уль-ислам в свою очередь имел тесные связи с кизляр-агой (главой черных евнухов) Хаджи Бешир-агой (1666–1746 гг.), фактическим правителем султанского двора. Осведомители,

причастные к столь высоким сферам, могли проинформировать о зарождении в недрах сераля или Порты самых изощренных интриг, добыть копии секретных документов дипломатической переписки, не говоря уже о том, чтобы сообщать информацию о текущей политической ситуации в империи. Чем на этом фоне мог быть полезен Иерусалимский Патриарх?

Парфений тоже был достаточно информирован в политических вопросах. Это неудивительно, если учесть его позицию «князя Церкви» и одного из лидеров православного сообщества империи. Парфению постоянно приходилось общаться с сановниками Порты, а также с такими высокопоставленными фигурами как, например, валашский князь Константин Маврокордато. Патриарх был в курсе всех интриг и слухов, циркулировавших в османских политических кругах. Для Вешнякова Парфений представлял собой дополнительный и бесплатный канал информации, возможность перепроверки и уточнения сообщений других осведомителей. Часто он упоминается в таком контексте: «О сем равно также Исак ага сказывал, и от других слышно, особливо от Патриарха Иерусалимского, от Пенклера (австрийского резидента. — *К. П.*), от венецкого посла»³³.

Иерусалимский Патриарх фигурирует в корреспонденции А. Вешнякова приблизительно один раз на каждые 50–70 листах. Так, например, весной 1745 г. Парфений информировал Вешнякова о ходе войны османов с Ираном, бесплодных попытках примирения, эвакуации населения из Карса, который османы не рассчитывали удержать; Патриарх сообщал также об обстоятельствах восстания паши Урфы Амаль оглу и предполагаемой причастности к этому выступлению багдадского правителя Ахмад-паши, фактически отложившегося от империи. Парфений был в курсе даже внешней политики Порты, усилий османской дипломатии выступить посредником в спорах европейских держав (что весьма нервировало российское правительство) или опасений османов в связи с гипотетической концентрацией русских войск у границ Молдавии и того, что кизляр-ага запрашивал информацию на этот счет у валашского князя³⁴. Помимо конкретных данных, резидент и Патриарх обсуждали и общие вопросы состояния и перспектив Османской империи. Слово «обсуждали», может быть, не очень подходит в данном случае, потому что мне неизвестно о личных встречах Парфения и Вешнякова, по крайней мере в 1745 г. Резидент из конспиративных соображений общался с Парфением через младшего переводчика посольства Н. Буйди. Мог ли Патриарх тем или иным образом влиять на Вешнякова, внушать ему какие-то мысли? На первый взгляд это представляется маловероятным. Российский резидент был весьма неглупым человеком с хорошим образованием и огромным практическим опытом (он провёл на Востоке больше 13 лет), и, самое главное, Вешняков производит впечатление сильной и цельной натуры. Тем не менее некоторые мысли Иерусалимского Патриарха и российского резидента могли попадать в резонанс.

Стоит отметить, что в своих реляциях в Коллегии иностранных дел Вешняков перемежал конкретную информацию развернутыми политологическими или историософскими трактатами. В этих сочинениях он рассуждал

о судьбах балканских государств и народов, излагал прогнозы на будущее положение Турции и свое видение того, как должна выглядеть российская стратегия в регионе. Причем несомненно, что Вешняков составлял эти документы по собственной инициативе, без соответствующих запросов сверху. Он все время сопровождает «свои слабейшие соображения» самоуничижительными формулировками, называет высказанные им мысли «мало зрелыми», «которых нетерпеливость и ревность мои, а паче слабость до лучшей зрелости довести не допускают»³⁵. И вот в этих «трактатах» Вешнякова можно попробовать поискать «иерусалимский след».

В своем послании в Россию Патриарх Парфений упоминал, что неоднократно письменно и через посредников сообщал Вешнякову о «слабости нынешней турецкой». Парфений интересовался в этой связи, дошла ли к российскому двору его реляция от марта месяца — прямым текстом или в пересказе Вешнякова?³⁶ Во всей исходящей документации А. Вешнякова от марта 1745 г. Иерусалимский Патриарх ни разу не упоминается. Зато в донесении резидента от 28 марта имеется пространная аналитическая записка о глубоком упадке Османского государства и грядущем его окончательном крахе. Вешняков рисует поистине апокалиптическую картину: безнадежная война с Ираном высосала все ресурсы империи; персидский шах отвергает все мирные предложения; поражение неизбежно; Порта судорожно пытается изыскать подкрепления и перебросить их в Восточную Анатолию, где ее сераскиры принуждены воевать «без денег, без войск, без артиллерии, без амуниции, без провианта, [без] фуражу подлежащего»³⁷. К этому следует добавить запустение Малой Азии, «в гражданских и военных чинах крайние непорядки, ни суда, ни расправы, кража, воровство и грабление, налоги»³⁸, наконец, нервозность властей, ожидающих бунта в столице при первом известии о серьезном поражении. Драматизм повествования нарастает с каждой фразой: персы не сегодня-завтра возьмут Карс, Эрзурум и Трапезунд, выйдут к морю и отрежут Стамбул от подвоза продовольствия. Шаху достаточно дойти до Кютахьи, и власть османского султана рухнет. «Турецкое духовенство» провозгласит шаха покровителем хиджасских святынь и султаном турецким и персидским («чего Боже избави») ³⁹. Тем не менее складывающаяся ситуация, по мнению Вешнякова, открывала перед Россией фантастические перспективы. «От Вашего императорского величества зависит, — писал он, — без крайних усилий сие злоехидное сонмище разорить и крест возстановить; кажется все к тому промысл Божий предустроил»⁴⁰. «Все бедныя православныя христиания, — продолжал он, — ждудт избавления своего от Вашего императорского величества. Довольно сей осени явиться в такой расплохе к Дунаю российской армии и ружья в запас иметь с мунициею, в краткое время [эта армия] удесятерогубится. Все здесь Молдавия, Валахия, Булгария, Сербия, Славония, Далмация, Черногорцы, Албания, вся Греция... и сам Константинополь, в единое время крест восприяв, побегли [бы] на помощь Вашего императорского величества... И доколе ныне смутное и мятежное еуропских держав состояние... и будучи все истощены и в распрях, и помешательству были бы не в силах, Вашего императорского величества уже врага крестом

изгнали [бы] и искоренили. Единое сие время благое, какова никогда не бывало и впредь не будет, особливо когда в Европе усмирится, а здесь новой салтан будет»⁴¹.

Надо отдать должное, у Вешнякова было богатое воображение. Однако с расстояния прошедших веков видно, насколько он был неадекватен в своих прогнозах. Впрочем, в ту эпоху Вешняков был не единственным, кто столь скептически оценивал шансы Османского государства на выживание⁴². В апрельских реляциях резидент еще раз возвращался к теме упадка и разложения власти и общества Османской империи и скором падении «сего злаго сонмища»⁴³. И тут он ссылается на мнение Иерусалимского Патриарха, который назван в числе «других умных и зело знающих людей, со мною о сем искренне и надежно открывающихся»⁴⁴. По словам Патриарха, даже сама османская верхушка — кизляр ага, шейх-уль-ислам и «множество из лучших улемов» — осознает всю порочность османских государственных порядков и невозможность их реформирования («мерзостное житие свое и конституцию правления их противоборствующися здравому благорассудству») ⁴⁵. По общему мнению, в государстве нет правосудия и безопасности, в отличие от христианских стран, где люди живут под покровом закона и честно заработанное прочат оставить наследникам, «посему заводят долговременные и полезные обществу дела и отечество любят, чего в их беззаконии (т. е. в османском государстве.— *К. П.*) нет, но яко сущие тати, похищая всякими лихвами и неправдами, жадно согребая, на собранное глядя дрожат, не ведая ни о себе, ни о похищенном, удержат ли с утра до вечера... и никакой любви к отечеству не имеют»⁴⁶. Возможно, в этих словах проскальзывают наблюдения и оценки Патриарха Парфения.

Но иногда, как кажется, голос Вешнякова звучит более отчетливо. Например, в рассуждениях о том, что «магометанская империя в Европе не может долго удержаться по нынешним нравам и нововведенным обычаям, хотя всякому государству вредным, но им особливо губительным, отдалившимся от оснований своих»⁴⁷. Как писал резидент, в мусульманском обществе невозможно ввести «регулярства, правильного подчинения в войске и гражданстве», равно как и «учений, просвещающих ум человеческий, ни же порядочных законов, в чем состоит вся твердость, величество и цветущее состояние» европейских государств⁴⁸.

Описывая праздность и леность, в которой погрязла османская верхушка, Вешняков проводит исторические параллели с поздней Византией. По его словам, византийцы, покинув всякие умозрительные науки, учение, военное художество, поверглись в роскошь и праздность; богатства достигали лестью, лицемерием и всякими преступными способами. «А когда приметили,— пишет Вешняков,— что под покровом святыни то все легче обретается, то яко диаволи ангельским чином покрываться начали и в монастырь побегли, потому их толико умножилось, что в одном Константинополе и ближних окрестностях до трехсот шестидесяти осми монастырей... умножилось... Следственно некому стало государство оборонить»⁴⁹. Богатства тратились не на войско, училища и библиотеки, а на проповеди, «пышное житие, строения

и всякие прихоти». Подвиги «добрых и святых людей» стали бесполезны. «Оттого настала погибель этой империи, где было почти все начало всяких учений и благоразсудства» и откуда европейские государства когда-то получили «просвещение в светском житии»⁵⁰. Несомненно, здесь Вешняков не оригинален, он повторяет идеи, которые вычитал в книгах (хотя сам факт чтения резидентом серьезной византологической литературы весьма примечателен).

Однако сопоставление дряхлеющей Византии с Османской империей XVIII в.— плод собственных размышлений дипломата. Поразительно, насколько его восприятие ляле деври («эпохи тюльпанов»), как традиционно называется в историографии попытка модернизации Османской империи в 1-й трети XVIII в., расходится с воззрениями современной науки⁵¹. Вешняков игнорирует все предпринятые в это время военно-технические заимствования османов у Европы, учреждение типографии, изменение принципов внешней политики и вообще отношения к культурным контактам. Резидент видит лишь наружную сторону эпохи — красочные празднества, увеселения, тюльпаны, роскошные павильоны в садах, где турки предаются блудодействию и прочим порокам. Для него это — все та же умирающая Византия. «Греки погибли начально собою, а потом от турок,— пишет Вешняков,— а ныне видим, что турки от греков на гибель свою ускорительно текут»⁵².

Вешняков утверждал, что вся государственная политика Порты в 1-й трети века осуществлялась по замыслам Николая Маврокордато (1670–1730 гг.), драгомана Порты и потом молдавского князя. Он якобы обладал безраздельным влиянием на великого везира Ибрахима-пашу Невшехирли (1662/63–1730 гг.; великий везир с 1718 г.), который в свою очередь полностью контролировал слабовольного султана Ахмеда III (1673–1736 гг.; султан в 1703–1730 гг.). Маврокордато, желая развратить и погубить османов, коварным образом приучал их к роскоши, празднествам и жажде удовольствий. Особенно он поощрял моральное разложение правящей верхушки, «дабы с головы начать». Лукавый фанариот побудил Ибрахима-пашу известить всех лучших и умнейших людей государства, «везирию противных». Чтобы избежать новых войн с христианскими государствами, Маврокордато направил агрессивные устремления османов в другую сторону и «растворил бездну персиккия войны, сначала толь благопоспешную, как ныне Божиим промыслом [она] не токмо тяжкою, но самогубительною и непресекомою быть стала»⁵³. В схеме великого фанариотского заговора нашлось место и для сподвижников Маврокордато из «греческих духовных, а паче Иеросалимского Патриарха Хрисанто, разными мерами и способами в том содействующих»⁵⁴. В итоге длившегося многие годы конспирологического проекта турки дошли до такого бессильного состояния, в котором желал их видеть Маврокордато, и, резюмирует Вешняков, «можно надежно уповать, что сие состояние не отменится»⁵⁵. С большой долей вероятности можно предположить, что идея о фанариотском заговоре была не вымышлена самим Вешняковым, а подсказана ему кем-то из греческих собеседников, возможно тем же Парфением Иерусалимским.

Возвращаясь к отношениям российского резидента и Патриарха Парфения, следует повторить, что едва ли Патриарх мог оказывать какое-то идейное влияние на Вешнякова. Они были слишком разными людьми. Парфений, как кажется, представлял собой типичного фанариота, такого, каких 100 лет спустя описывал К. Н. Леонтьев. А Вешняков был столь же типичным «птенцом гнезда Петрова». Он родился в 1700 г. и сложился как личность в эпоху петровских реформ. Резидент был искренним западником, поклонником имени и дела Петра и, как может поначалу показаться, человеком, полностью оторванным от старорусской традиции. Достаточно вспомнить его фразу про чрезмерное изобилие константинопольских монастырей. Разве мог бы сказать такое, например, столь же циничный шпион Арсений Суханов, работавший на Босфоре за 100 лет до Вешнякова?

Однако, по мере знакомства с докладными записками резидента, становится очевидно, что русская идентичность у Вешнякова все-таки просматривается. Он, естественно, был верующим человеком, и православное мирозерцание предопределило не только его презрение к туркам, но и ненависть к «папистам». Тут богословие сплеталось с геополитикой, потому что главным противником России на турецком направлении была Франция, которая выступала покровителем ближневосточных католиков. Вешняков вполне четко и осмысленно делил мир на «своих» и «чужих». К первым он относил «единоверных», т. е. греков, и «единоверородных» — балканских славян и даже «влахомолдавцев».

В конце июня 1745 г. резидент составил последнее в своей жизни донесение «О приласкивании и приеме всех единоверных... с нами». Не дерзнув послать его на Высочайшее имя, Вешняков направил свои соображения канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину (1693–1768 гг.). Резидент писал о симпатиях балканских православных к России и желательности каких-то ответных шагов со стороны высшей власти, что будет к несомненной пользе Российского государства. Он приводил множество примеров повсеместной поддержки католиков королями Франции и Испании, указывал и на исторические аналогии, свидетельствующие, что всегда было правилом «единоверных и склонных народов ласкать»⁵⁶. Та же практика издревле существовала и в России, писал Вешняков, «но более токмо одному духовенству, как вижу по древним жалованным грамотам, а народам не столько приласкания бывало. И то разумю чинилось благоразумно, дабы турок, по тогдашней их силе, а нашему почти безсилию, не имев регулярных войск и мореплавного искусства, безвременно не раздражать»⁵⁷. Однако, продолжал резидент, «в нынешнее наипачасливейшее нам время благоматерняго правления ея императорского величества и по известному упадшему состоянию турецкому, ныне можно бы уже откровеннее сим народам... милость начать казать»⁵⁸. Он ссылаясь на меры Петра I и, в недавнее время, фельдмаршала Миниха по привлечению в службу и расселению в России сербов и молдаван. Однако в последнее время Военная коллегия прекратила снабжение гусарских корпусов, набранных из балканских народов, чем довела эти соединения до полного развала. Одновременно был прекращен прием на службу балканских христиан и выдача им

паспортов для пересечения молдавской границы. «Я с глубочайшим подвержением повинуюся таким высоким определениям, яко безсумненно то по каким высшим видам... мне неведомым учинено было,— писал Вешняков,— но елико по всеподданнейшей моей присяжной должности и слабейшем разумении есть, повинен же нахожусь нижайше донести», после чего жестко критиковал принятые меры и указывал на их пагубность для российского престижа и интересов⁵⁹.

Судя по карандашным пометкам в тексте письма, канцлер отреагировал на него довольно вяло. Призывы Вешнякова были несвоевременны. И хотя резидент был далеко не первым, кто воспринимал балканских единоверцев как стратегических союзников России, некоторые его «панславистские» мысли кажутся опередившими свое время на 100 лет. Столь же «несвоеременно» выглядят отношения Вешнякова с Патриархом Парфением. В июне 1743 г. в Москву прибыло посольство от Патриарха с просьбой посодействовать в выплате долга Иерусалимского престола в 350 тыс. пиастров. Впервые в истории русско-восточных связей российские власти стали задавать патриаршим посланникам вопросы о том, каким образом возник столь громадный долг. Не удовлетворившись их стандартными жалобами на «грабления» бедуинов, «ненасытства» пашей, проблемы с еретическими исповеданиями и «крайнее убожество» османских христиан, правительство запросило разъяснений у Вешнякова⁶⁰.

Заметно, что Вешняков со своей стороны всеми силами «подыгрывал» Патриарху Парфению, стараясь склонить Петербург к оказанию финансовой помощи Иерусалимской Церкви. Сообщая о долгах, «висевших» на Патриархе, Вешняков писал: «По здешнему [долг] еще и умерен, и не велик по благословию Божию... что Патриархи сего престола непременно (т. е. не меняются так часто, как в Константинополе.— *К. П.*) и почти все... люди благочестивые, яко не сребролюбием и хитростию онаго достигают, и не от турок... От того так малы, когда приравним к здешнему (т. е. долгу Вселенского Патриархата.— *К. П.*), на котором более девяти сот тыщ, со всем тем, что безприкладно меньшим налогам... подвержен, и неприятелей таких, как Иеросалимский, не имеет»⁶¹. Противопоставляя коррумпированным интриганам и корыстолюбцам Фанара Иерусалимскую Церковь, Вешняков резюмировал: «Един токмо сей дом и правление церковное здесь могущее назваться христианским престолом. По сему, когда объявляет сам [Парфений] быть долгу триста пятьдесят три тысячи левков, по совести не смею в сумнении поставить»⁶². Возможно, Вешняков таким образом хотел отблагодарить Патриарха за его услуги политического характера.

Зимой 1745 г. резидент отправил в Петербург составленное самим Парфением «Краткое ведение» о перипетиях борьбы за святые места с древних времен и связанных с этим расходах. В Коллегии иностранных дел опять остались недовольны, требуя конкретной информации о причинах и размерах долгов⁶³. Однако Вешняков уклонился от дальнейших разысканий по этому вопросу, ссылаясь на то, что никто доподлинно не знает бухгалтерии Патриархата. А если попытаться перепроверить цифры, сообщенные Патриархом,

это может дойти до турок или до самого Парфения, «который бы на меня,— писал Вешняков,— за то законно досадовать стал в недоверие, а у него самого о подробностях требовать, мне слабейше мнится, много б оскорбительно ему было»⁶⁴.

Вешняков пытался объяснить своему начальству, что важна общая картина финансового положения Патриархата, а вникать в мелкие подробности нет смысла. Далекое не все расходы фиксируются письменно, как писал резидент, «у них же особенно есть многия тайныя дачи туркам... тем, кто их покрывает... которых и объявить не могут»⁶⁵. Он напоминал о весьма затратной борьбе греков с их католическими противниками. Так, писал дипломат, паписты «недавно подали нашему православию смертельный удар»⁶⁶, когда французский посол за 50 тыс. пиастров добился у Порты низложения православного Антиохийского Патриарха Сильвестра и возведения на престол его соперника прокатолической ориентации. Теперь Греческим Патриархам придется заплатить вдвое больше, чтобы этот фирман был аннулирован⁶⁷. Вешняков недвусмысленно ставит в пример России «папистское единодушие и великие издержки», особенно милостыню францисканским стражам Святого Гроба, которым одна Испания ежегодно перечисляет 70 тыс. пиастров, не считая субсидий от Франции, других латинских государств, Ватикана и пожертвований частных лиц. «Сему же нашему патриаршеству,— продолжает резидент,— ни от какой державы ничего, опричь бедных и разоренных княжений влахомолдавских, те малые, можно сказать, кровавыя подаяния и доходы»⁶⁸.

По мнению Вешнякова, принимая во внимание высочайшее достоинство и славу российского престола, требовать от Патриарха финансового отчета или сомневаться в достоверности сообщаемых им цифр было бы непристойно. Монаршие милости жалуются, невзирая на такие ничтожные вопросы. Они суть благоудное дело для душевного и телесного здравия государыни императрицы, благосостояния государства и подданных. «Щедротодаяние» Святому Гробу несказанно укрепило бы престиж России и привязанность к ней православных народов, полагал Вешняков⁶⁹.

Такие рассуждения были бы уместны за 100 лет до того, во времена царя Алексея Михайловича. Или, наоборот, 100 лет спустя, при Николае I. Но Вешняков жил ровно посередине между двумя всплесками интереса России к ближневосточному православию. И он был непонят своим европеизированным и прагматичным начальством. «Нежелаем... дабы наше подаяние втуне для тщеславия и какого-либо переможения у турок... служило»,— формулировали в Петербурге новые приоритеты ближневосточной политики⁷⁰. «В дачу тамошним Патриархам,— напоминали резиденту,— казны нашей отнюдь не держать и напрасно не тратить»⁷¹.

В этом, видимо, и заключается причина того, что пророссийские симпатии Парфения не находили отклика в Коллегии иностранных дел. Его воспринимали не как Святейшего Патриарха, а как рядового осведомителя. Петербургских чиновников интересовали не его духовный сан и авторитет, а сообщаемая им информация. Причем, если Патриарх Досифей в свое вре-

мя стоял во главе русской агентурной сети в Османском государстве, то Парфений был только одним из ее звеньев, далеко не самым ценным. В качестве же рядового информатора Патриарх мог обойтись слишком дорого. Выплачивать долги его престола (в пересчете на тогдашнюю русскую валюту они превышали 230 тыс.) было ни с чем не сообразно.

Парфений, как и Вешняков, опоздал родиться на 100 лет. Санкт-Петербургу, в отличие от Третьего Рима, такие союзники были неинтересны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством. СПб., 1895. С. 470.
- ² Там же. С. 417, 470–473.
- ³ АВП РИ, ф. 90/1, 1745 г., № 262. «Донесение (копия) поручика Никифорова Александра в Коллегию иностранных дел о своем посещении Иерусалимского Патриарха Парфения и митрополита Самуила с приложением записки о внутреннем положении в Турции». Поручик А. Никифоров в сопровождении переводчика Н. Буйди встречался с Патриархом 8 августа 1745 г. Из соображений безопасности Патриарх не передавал им никаких текстов, а излагал информацию устно. Строго говоря, мы имеем дело не с письмом самого Патриарха, а с пересказом сообщенных им сведений в русском переводе.
- ⁴ Там же, л. 2–3 об. При цитировании архивных документов восстановлены «ъ», «й», знаки препинания.
- ⁵ Там же, л. 3 об. — 4.
- ⁶ Там же, л. 4.
- ⁷ Там же, л. 4 об.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Имеется в виду Иван Иванович Неплюев (1693–1773 гг.), российский резидент в Стамбуле в 1721–1734 гг. Случайно или нет, но преемником А. Вешнякова в османской столице стал сын И. И. Неплюева Адриан Иванович (1712–1750 гг.).
- ¹⁰ Там же, л. 5.
- ¹¹ Там же, л. 5 об.
- ¹² *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 430–462.
- ¹³ Благодарю С. Моисееву за информацию о некоторых деталях биографии Патриарха, содержащихся в книге: *Металлинос Г. Д.* Парфений Геранис / Религиозно-нравственная энциклопедия (на греческом языке). Т. 10. Афины, 1966. Кол. 58–59.
- ¹⁴ Рассказ Парфения Афинянина, митрополита Кесарии Палестинской, о распрях между православными и армянами / Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX века. Т. 1. СПб., 1901. С. 189–275.
- ¹⁵ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 4, л. 53–74 об. (греческий текст), л. 75–80 (русский перевод «Краткое ведение о древних вольностях Патриархов Иеросалимских и причин распрей между греками, римлянами и армянами»). Русский текст в сокращении издан Каптеревым: *Каптерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 295–302.
- ¹⁶ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 42 об.
- ¹⁷ Предшественник Парфения на патриаршестве Мелетий занимал ту же титулярную кафедру митрополита Кесарии до восшествия на Патриарший престол в феврале 1731 г. (*Померанцев И.* Избрание Иерусалимских Патриархов в XVII и XVIII столетиях // Сообщения Императорского православного Палестинского общества. 1907. С. 223). Таким образом, хиротония Парфения в митрополита произошла не раньше весны 1731 г.

- ¹⁸ Рассказ Парфения Афинянина... С. 213.
- ¹⁹ Там же. С. 215–218.
- ²⁰ АВП РИ, ф. 89/1, 1729 г. № 15. авг. 25. «Отправление в Царьград дворянина Алексея Вешнякова для вспоможения в делах резиденту Неплюеву».
- ²¹ *Померанцев И.* Указ. соч. С. 224.
- ²² АВП РИ, ф. 89/1, 1742 г., № 33.
- ²³ Там же, л. 1–6.
- ²⁴ Там же, л. 5 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, л. 15.
- ²⁷ Там же, л. 5 об.
- ²⁸ Благодарю профессора М. С. Мейера за информацию по данному вопросу. Кроме того, фигурирующие в статье сведения о структуре и персоналиях османской политической системы середины XVIII в. во многом почерпнуты из монографии М. С. Мейера: *Мейер М. С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- ²⁹ АВП РИ, ф. 89/1, 1729 г., № 14.
- ³⁰ Там же, 1742 г., № 33, л. 1–2, 7–9, 16.
- ³¹ Так, за 1752 г. они получили 1584 рублей (Там же, л. 4 об., 11–11 об., 21 об., 31).
- ³² Там же, л. 3–4 об., 13–13 об., 18–18 об., 21 об.— 23 об., 31, 35–39 об.
- ³³ Там же, 1745 г., № 5, л. 64.
- ³⁴ Там же, л. 63, 68, 188, 189 об., 387 об.
- ³⁵ Там же, л. 435.
- ³⁶ Там же, ф. 90/1, 1745 г., № 262, л. 5.
- ³⁷ Там же, ф. 89/1, 1745 г., № 4, л. 416–417.
- ³⁸ Там же, л. 420 об.
- ³⁹ Там же, л. 420 об.— 421. Те же мысли Вешняков развивал в своей апрельской реляции: Там же, № 5, л. 10 об.
- ⁴⁰ Там же, № 4, л. 421 об.— 422.
- ⁴¹ Там же, л. 422–422 об.
- ⁴² *Мейер М. С.* Указ. соч. С. 136–137.
- ⁴³ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 8 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 10. Хотя в тексте назван Константинопольский Патриарх, это скорее всего описка. А. Вешняков нигде более не упоминал о своих контактах с Константинопольскими Патриархами, Иерусалимский же Первосвятитель еще раз фигурирует в качестве осведомителя в тексте той же реляции (Там же, л. 12).
- ⁴⁵ Там же, л. 11 об.— 12.
- ⁴⁶ Там же, л. 12 об.
- ⁴⁷ Там же, л. 11.
- ⁴⁸ Там же, л. 11–11 об.
- ⁴⁹ Там же, л. 41–41 об. Тот человек, который знакомился с реляцией, видимо, канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, жирно подчеркнул карандашом фразу про монастыри.
- ⁵⁰ Там же, л. 41 об.— 42.
- ⁵¹ Ср.: *Мейер М. С.* Указ. соч. С. 173–191.
- ⁵² АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 43.
- ⁵³ Там же, л. 46–46 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 50.
- ⁵⁵ Там же. Здесь я не берусь комментировать изложенную Вешняковым теорию заговора. Отмечу лишь, что современная османистика воспринимает происходившие в империи процессы совсем по-другому. О фанариотах и их роли в османских реформах начала XVIII в. см.: *Мейер М. С.* Указ. соч. С. 181.
- ⁵⁶ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 442.

⁵⁷ Там же, л. 442 об.

⁵⁸ Там же, л. 447–447 об.

⁵⁹ Там же, л. 443 об.— 446 об.

⁶⁰ *Кантерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 430–440.

⁶¹ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 4, л. 30 об.

⁶² Там же, л. 40.

⁶³ *Кантерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 455.

⁶⁴ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 242 об.

⁶⁵ Там же, л. 243 об.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ В тексте реляции имя низложенного Сильвестра было жирно подчеркнуто А. П. Бестужевым-Рюминым, вероятно, не без удивления. Российская дипломатия практически не интересовалась католической экспансией на Ближнем Востоке и расколом Антиохийского патриархата на почве унии. Даже Вешняков сообщает об этих событиях между делом, просто как пример тех расходов, которые придется понести православным для того, чтобы Порта отменила свое решение.

⁶⁸ АВП РИ, ф. 89/1, 1745 г., № 5, л. 244.

⁶⁹ Там же, л. 245–245 об.

⁷⁰ *Кантерев Н. Ф.* Указ. соч. С. 440, см. также с. 434–439.

⁷¹ Там же. С. 442.